

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 (6)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленева

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленев Ю.А., Ситдииков А.Г. Шестая международная конференция, посвященная памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве»6

Статьи

Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре9

Руденко К.А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: проблемы преемственности34

Беговатов Е.А., Казаков Е.П., Мухаметшин Д.Г., Сингатуллина А.З. Нумизматические комплексы X века Семеновского острова (Республика Татарстан)47

Бугарчев А.И., Руденко К.А. Нумизматические находки с селища Чакма (р.п. Лаишево, Республика Татарстан)64

Грибов Н.Н., Ахметгалин Ф.А. Западное порубежье Болгарского улуса Золотой Орды (по материалам левобережных памятников Нижнего Посурья)79

Гришаков В.В., Давыдов С.Д. К вопросу о реконструкции социальной структуры населения, оставившего Селикса-Трофимовский (древнемордовский) могильник IV–V вв.96

Гришаков В.В., Седышев О.В. Снаряжение верхового коня (по материалам Чулковского могильника)107

Недашковский Л.Ф. Методические аспекты исследования комплексов археологических памятников округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья118

Кубанкин Д.А., Масловский А.Н. Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского областного музея краеведения)130

Савельев Н.И. Плотины в системе водоснабжения Царевского городища155

Кравченко С.А. Жилища купцов из Азака (по материалам раскопок 2009–2010 годов)167

Масловский А.Н. Восточные элементы в материальной культуре Азака и проблема миграций городского населения Золотой Орды180

<i>Кдырниязов О.-Ш., Кдырниязов М.-Ш.</i> Мазлумхан-Сулу – уникальный памятник Хорезма эпохи Золотой Орды	192
<i>Петров П.Н., Батраков О.А.</i> О некоторых редких монетах хорезмского клада XIII в.	200
<i>Калменов М.Д.</i> Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык	205
<i>Саинов С.Т.</i> Золотоордынская керамика Пульжая	214
<i>Плеханова Л.Н., Ткачев В.В.</i> Физико-химические свойства почв многослойного поселения эпохи бронзы в окрестностях г. Гай	225
<i>Борисов А.В.</i> Химические и микробиологические свойства диагностических слоев в заполнении котлованов средневековых построек	235

Хроника

<i>Ситдииков А.Г.</i> Международный центр археологических исследований в Болгаре	248
<i>Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.</i> Музей болгарской цивилизации	253
<i>Хузин Ф.Ш.</i> Защита докторских и кандидатских диссертаций по археологии в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ в 2013 году	261
<i>Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В.</i> Виктор Николаевич Шитов (1947–2013)	271
Список сокращений	274
Правила для авторов	276

CONTENTS

Zeleneev Yu.A., Sitdikov A.G. Sixth international conference
in memory of G.A. Fedorov-Davydov «A dialogue of urban
and nomadic cultures in eurasian space»6

Articles

Koval V.Yu. Trade stock from excavation the market
of the middle of the XIV century at Bolgar9

Rudenko K.A. Art metal of the Volga Bulgaria and
Bolgar ulus of Golden Horde: continuity of traditions34

Begovatov E.A., Kazakov E.P., Mukhametshin D.G., Singatullina A.Z.
Numismatic complexes of the X century
from the Semenovo island (Tatarstan Republic)47

Bugarchev A.I., Rudenko K.A. Numismatic finds from
the settlement Chakma (Laishevo, Tatarstan Republic)64

Gribov N.N., Akhmetgalin F.A. Western border of Bolgar ulus
of Golden Horde (according to materials of the settlements
on the left bank of Sura river)79

Grishakov V.V., Davydov S.D. On the issue of reconstruction
a social structure of the population, which left the Selicsa-Trofimovsky
(Ancient Mordovian) burial ground of the IV–V centuries96

Grishakov V.V., Sedyshev O.V. Furniture of the riding horse
(according to the Chulkovsky burial ground)107

Nedashkovsky L.F. Methodical aspects of researches of the complexes
of archaeological sites in the region of the largest Golden Horde cities
of the Lower Volga area118

Kubankin D.A., Maslovsky A.N. Objects of importation
found at the Uvek settlement (accidental finds stored
at the Saratov regional museum of local lore)130

Savelyev N.I. The weirs in the waterwork of the Tsarevskoye settlement155

Kravchenko S.A. Dwellings of the merchants at Azak
(according to excavations in the 2009–2010)167

Maslovsky A.N. Eastern elements in material culture of Azak and problem
concerning migrations of the population of the Golden Horde towns180

<i>Kdyrniyazov O.-Sh., Kdyrniyazov M.-Sh.</i> Mazlumkhan-Sulu – a unique monument of Khorezm epoch of Golden Horde	192
<i>Petrov P.N., Batrakov O.A.</i> Concerning some rare coins of the Khorezm hidden treasure	200
<i>Kalmenov M.D.</i> The furnace for roasting brick from the settlement Zhayik	205
<i>Saipov S.T.</i> Pulzhay's ceramics of Golden Horde	214
<i>Plekhanova L.N., Tkachev V.V.</i> Physical-chemical properties of the soils at the multilayerd bronze age settlement in the surroundings of Guy town	225
<i>Borisov A.V.</i> Chemical and microbiological properties of diagnostic layers within the filling of medieval foundation pits	235

Chronicle

<i>Sitdikov A.G.</i> International Archaeological Research Center at Bolgar	248
<i>Bugrov D.G., Sitdikov A.G.</i> Museum of Bolgar Civilization	253
<i>Khuzin F.Sh.</i> Defence of the Dissertations on archaeology for a Doctor's and Candidate's degrees at Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences in 2013	261
<i>Zeleneev Yu.A., Zelentsova O.V.</i> Victor Nikolaevich Shitov (1947–2013)	271
List of abbreviations	274
Rules for authors	276

УДК 393.05.1

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО СЕЛИКСА-ТРОФИМОВСКИЙ (ДРЕВНЕМОРДОВСКИЙ) МОГИЛЬНИК IV–V вв.

© 2013 г. В.В. Гришаков, С.Д. Давыдов

Статья посвящена проблеме реконструкции социальной структуры древнемордовского населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник IV–V вв. в Верхнем Посурье. Был проведен анализ материалов мужских погребений некрополя как наиболее социоинформативных. Предпринята попытка определения взаимосвязи между социальным статусом индивида и ее выражения в ритуальной обрядности. Различия в составе и количестве погребального инвентаря позволили выделить три группы, условно названные «бедные», «рядовые» и «воины». К последним отнесены три захоронения с мечами. При этом могильник имеет рядовую планировку, все рассмотренные погребения грунтовые, без признаков надмогильных сооружений, с одинаковой северо-восточной ориентировкой. По-видимому, имущественное расслоение в исследуемом сообществе было незначительным, а социальная стратификация зависела прежде всего от профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, Верхняя Сура, раннее средневековье, древнемордовский могильник, погребальный обряд, вещевой комплекс, социоинформативность, социальная стратификация, мужские погребения, профессионально-ранговая принадлежность.

На современном этапе изучения древней истории мордовского края важное место занимает исследование социальной структуры раннесредневековой мордвы.

Селикса-Трофимовский могильник исследовался в 1967–1968 гг. М.Р. Полесских. Некрополь находится возле села Трофимовка Бессоновского района Пензенской области в полутора километрах от Селиксенского могильника. На исследованной части некрополя вскрыто 64 погребения (Полесских, 1967, 1968). Памятник функционировал в IV в.

Погребения Селикса-Трофимовского могильника грунтовые, без признаков ярко выраженных надмогильных сооружений. Планиграфически могильник имеет рядовую планировку (рис. 1). Из общего числа могильных ям можно выделить 17 мужских,

25 женских, 19 неопределенных и 5 детских захоронений.

Для выявления социальной стратификации населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник, мы использовали классификацию мужских погребений, так как они, как показало исследование, являются наиболее социоинформативными. В них четко прослеживаются различия в составе и количестве погребального инвентаря, а так же в ритуале захоронения.

Мужские погребения распались на три группы, каждая из которых имеет свой порядковый номер и условное обозначение. Классификация погребений по группам осуществлялась на основе выделения различных критериев или их совокупности, например, таких как: ассортимент и количество погребального инвентаря, а так же ритуальные особенности захоронений.

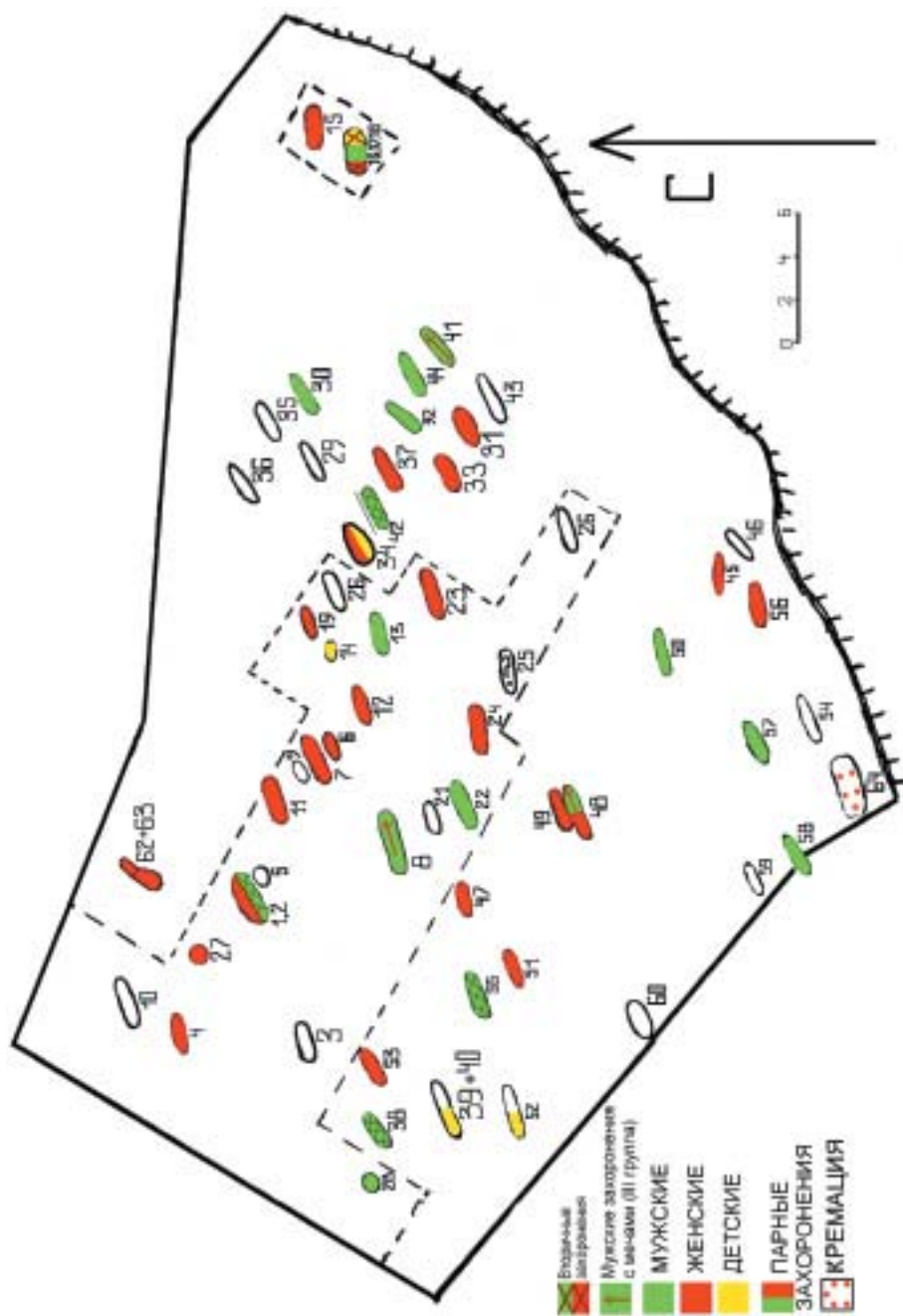

Рис. 1. Планиграфия Селикса-Трофимовского могильника

К первой (I) группе «бедные» отнесены 4 погребения общинников (16, 55, 57, 58), в которых встречаются элементы одежды и предметы бытового назначения.

Вторая группа (II) – «рядовые» – для выявления наиболее точной классификации имеет в своем составе две подгруппы. В подгруппе II «А» оказалось 5 захоронений (погребения 13, 28, 32, 42, 44), принадлежавшие рядовым общинникам, где помимо предметов бытового назначения и личных вещей были обнаружены элементы конского снаряжения. Подгруппа II «Б» содержит так же пять захоронений (погребения 1 (м), 22, 30, 38, 50), в которых были обнаружены остатки древкового оружия, наличие которого стало критерием выделения их в отдельную подгруппу.

Третью группу (III) – «воины» – составляют 3 захоронения, в которых помимо широкого ассортимента бытовых вещей, элементов одежды, украшений и древкового оружия были обнаружены мечи (погребения 8, 41, 48 (м)).

Что касается типов мужских погребений, то необходимо отметить, что на Селикса-Трофимовском некрополе помимо труположения, встречаются вторичные, парные и одно тройное захоронения. Они, как мы можем предполагать, имеют какое-то особенное ритуально-мифологическое значение. Однако, связь этого ритуала с имущественным, профессиональным и возрастным положением общинника не прослеживается.

Описание вещевого инвентаря и особенностей погребального обряда даны по отчетам М. Р. Полесских (1967, 1968).

В первую (I) группу – «бедные» – попали 4 захоронения (погребения 16, 55, 57, 58).

В составе *погребального инвентаря* захоронений первой (I) группы из предметов бытового назначения были обнаружены: один железный втульчатый топор (погребение 16) и два ножа (погребения 57, 58).

Элементы одежды включали следующие предметы. В единственном случае обнаружена кольцевая плоская застежка с рубчиками по краям (погребение 58), в одном случае – медная пряжка (погребение 16), элементы поясной гарнитуры в виде железных пряжек (погребения 16, 55, 57, 58) встречены во всех захоронениях первой группы.

Погребальный обряд мужских захоронений первой (I) группы имеет следующие особенности.

Ориентировка всех захоронений первой (I) группы идентична и определена М.Р. Полесских как северо-восточная. Важно заметить, что в случаях вторичного захоронения при нарушении анатомического порядка костяка его ориентировка определялась автором раскопок по месту нахождения основной массы костей умершего относительно северо-восточной стенки могилы. Так в погребении 55 кости грудой сложены в северо-восточной части могильной ямы, что дает основания сделать предположение о своеобразном сохранении ориентировки усопшего относительно сторон света.

По типам захоронений погребения первой группы не единообразны. Два из четырех захоронений было совершены по обряду труположения (погребения 57, 58). Одно (погребение 55) – по способу вторичного захоронения.

И одно тройное захоронение (погребения 16, 17, 18, по М.Р. Полесских).

Керамические сосуды были обнаружены в двух случаях из четырех (погребения 16, 55) в предполагаемой области головы умерших.

Размеры могильных ям «бедных» общинников имеют средние параметры. Так длина их колеблется от 185 до 210 см, ширина от 40 до 60 см, а глубина не превышает 75 см. Исключением является вышеупомянутое тройное захоронение 16, 17, 18 (по М.Р. Полесских), размеры которого в силу очевидных причин несколько отличаются. Тройное захоронение (погребения 16, 17, 18, по М.Р. Полесских) является единственным на памятнике. Для удобства мы решили обозначить данную могилу под № 16 применительно к мужскому захоронению.

Длина этой могилы составляет 220 см, ширина – 120 см, а глубина 70 см. Один из обнаруженных в ней костяков (М.Р. Полесских обозначил его как погребение № 16) принадлежал мужчине. Это захоронение совершено по обряду труположения. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Положение рук не выяснено. Чрезвычайно бедный погребальный инвентарь позволил нам отнести данное захоронение к первой (I) группе «бедных» общинников. Двое других погребенных в этой могиле определены исследователем как женский костяк № 17 и детский – № 18. Скудность инвентаря, характерная для всех усопших в этой могиле, позволяет предположить, что в этом погребении захоронены члены одной семьи. Вызывает интерес тот факт, что женский и детский костяки обнаружены в расчлененном состоянии.

Этот ритуал так же единично прослеживается в погребениях Армиевского могильника, а затем уже получает распространение на Младшем Селиксенском некрополе.

Еще одним отличным от прочих погребений первой группы, с точки зрения погребальной обрядности, является захоронение № 55. Во-первых, в засыпке и на дне этой могилы встречались угольки, что может свидетельствовать о наличии следов огненного ритуала. Во-вторых, в засыпке помимо углей также была обнаружена битая керамика. В-третьих, еще одним примечательным элементом ритуала является находка конского зуба в центральной части. Аналогичная находка встречена и в погребении 58 (в засыпке были обнаружены зубы коня). В-четвертых, захоронение 55 является вторичным, что выделяет его из общего числа погребений первой группы. И, наконец, в-пятых, размеры могильной ямы погребения 55, а именно его длина, превышает длину всех прочих индивидуальных захоронений первой группы.

Несмотря на некоторые отличия в погребальном обряде и вещевом материале, захоронения, оказавшиеся в первой группе, принадлежат общинникам, имущественное положение и социальный статус которых был невысок. Возможно, это связано с их прижизненными профессиями, родом занятий, которые зависели от возраста и личных качеств мужчин. Отсутствие в их вещевом комплексе конского снаряжения и оружия, но наличие предметов быта дает основание предположить, что в прижизненный род занятий усопших общинников входило выполнение элементарных хозяйственно-бытовых обязанностей.

Во вторую (II) группу «рядовые» вошло 10 мужских погребений. Как уже отмечалось выше, пять из них (погребения 13, 28, 32, 42, 45), в которых были обнаружены удила, но отсутствовало оружие, попали в подгруппу II «А». Другие пять (погребения 1, 22, 30, 38, 50), в которых встречались остатки древкового оружия – в подгруппу II «Б».

В составе погребального инвентаря захоронений подгруппы II «А» из предметов бытового назначения было обнаружено: два ножа (погребения 32, 44); один железный втульчатый топор (погребения 28), в единственном случае шило (погребение 44).

Элементы одежды представлены следующими находками.

Поясная гарнитура – пряжка железная овальная (погребение 13),

Обувная гарнитура – железные пряжки, две малого размера и одна крупная (погребение 44).

Кольцевая бронзовая плоская застежка с пунктирным орнаментом на ободке, обнаруженная в погребении 44 отнесена нами в графу «другое*» в разделе элементы одежды.

Украшения представлены единственным экземпляром железной гривны из погребения 32.

Конское снаряжение, а именно удила, являются классифицирующим признаком, наличие которого в погребениях позволило нам отнести их в подгруппу II «А».

Удила были обнаружены в 5 захоронениях (погребения 13, 28, 32, 42, 44). В единственном случае удила имели бронзовые кольца (погребение 13). Во всех захоронениях удила располагались в предполагаемой области ног в юго-западной части могилы. Интересны также находки, относящиеся к

конскому снаряжению из погребений 32 и 13. В первом случае это круглая уздечная бронзовая пряжка с железной иглой в ногах. Рукоятка плетки, обнаруженная в захоронении 13, несомненно является предметом конского снаряжения. Для удобства описания она обозначена в таблице 1 как «X*» в подразделе «предметы бытового назначения» в строке «разное*».

Погребальный обряд мужских захоронений подгруппы II «А».

Керамическая посуда обнаружена в погребениях 32 и 44. В обоих случаях сосуды располагались в области головы умерших.

Ориентировка всех погребенных данной подгруппы определена автором раскопок как северо-восточная. Исключением является могила 28, контуры которой не были прослежены и определить ориентировку усопшего не удалось.

Четыре из пяти умерших были ингумированы. Способом вторичного захоронения погребен мужчина из погребения 42.

Фрагменты угольков встречены в двух захоронениях (погребения 28 и 42).

Остатки луба обнаружены в погребении 44, что является единственной подобной находкой среди мужских захоронений.

Погребальный инвентарь захоронений подгруппы II «Б».

Предметы бытового назначения представлены следующими находками: три ножа из погребений 30 (нож находился под левым локтем умершего), 38 (нож представлен в виде обломков и был обнаружен в юго-западной части ямы) и 50. В последнем случае удалось проследить, что нож находился в деревянном футляре.

Два втульчатых топора были обнаружены в погребениях 22 (в области колен усопшего) и 38.

Предметами быта так же являются находки из погребения 38. Это точильный брус из шиферного сланца и пряслице, которые обозначены как «Х*» в строке «разное*» в подразделе «предметы бытового назначения».

К элементам одежды относятся находки, имеющие непосредственное отношение к костюму. Так предметы поясной гарнитуры были встречены в трех захоронениях (погребения 30 (железные пряжки круглой формы), 38 (поясные бляшки из белого металла), 50 (железная круглая пряжка в районе пояса).

Элементы обувной гарнитуры обнаружены в могилах 22 и 50. В первом случае это бронзовые обувные пряжки с круглыми приемниками (2 экз.) и железные пряжки (2 экз.). Во втором случае так же две бронзовые пряжки.

Бронзовый неизвестный предмет, обнаруженный у правого бедра покойника в погребении 50 был отнесен нами в ячейку «разное*» в подразделе «элементы одежды».

Украшения подгруппы II «Б» представлены единственной находкой из погребения 1. Бронзовая уплощенная беззамковая гривна находилась в предполагаемой области шеи умершего.

Конское снаряжение представлено в трех погребениях подгруппы II «Б».

В погребении 22 кольчатые железные удила находились в районе ног усопшего. Вторичное захоронение 38 имело в составе погребального инвентаря два бронзовых кольца от удил, местоположение которых автором раскопок точно не определено. Кольчатые железные удила из погребения

50 находились в районе подвздошной кости покойника.

Древковое оружие в мужских погребениях, является тем маркером, наличие которого позволяет отнести их к подгруппе II «Б».

Наконечники стрел обнаружены в двух захоронениях (погребения 30, 38). Два экземпляра из погребения 30 находились под левым локтем усопшего. В могиле № 38 были обнаружены три наконечника стрел.

Наконечники копий встречены в трех из пяти захоронений (погребения 1, 22, 30). В первом и третьем случае они находились в районе правого плеча усопшего. В могиле № 22 наконечник копья лежал слева в районе головы.

Особый интерес вызывает находка из погребения 50. В этом непосредственном захоронении была обнаружена железная кольчуга. Наличие этого, несомненно, дорого предмета вооружения, несмотря на отсутствие других предметов вооружения, позволило нам отнести данное захоронение в подгруппу II «Б».

Погребальный обряд мужских захоронений **подгруппы II «Б»** представлен следующими элементами.

Ориентировка всех погребений этой подгруппы определена автором раскопок как северо-восточная. В случае с вторичными захоронениями, ориентировка определялась по местоположению остатков костяка. В погребениях 1 и 38 они находились в соответствующих частях ям. Что касается типов захоронений, то остальные усопшие (могилы 22, 30, 50) были погребены способом труположения.

Однако, необходимо отметить, что погребение 1, помимо того что оно

№ группы	I группа					II "А" группа					II "Б" группа					III группа				
	16	55	57	58	13	28	32	42	44	1	22	30	38	50	8	41	48(м)			
№ погребения	220	210	190	185	220	?	190	200	240	?	230	230	220	200	290	210	220			
	120	56	40	40	60	?	60	65	42	?	60	50	50	50	55	75	70			
	70	55	72	75	85	?	75	100	98	?	54	80	60	80	43	162	60			
	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	?	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ	СВ		
Тип захоронения	3	4	1	1	1	1	1	4	1	2-4	1	4	1	1	1	1	2			
	Х	Х				Х			Х	Х		Х		Х						
Внутри мотыльке сооружения и/или другие элементы ритуала																				
	Х					Х			Х	Х	Х*									
Дар																				
	Х					Х		Х												
Предметы бытового назначения	Нож		Х	Х			Х		Х											
	Топор	Х				Х					Х		Х							
	Разное*								Х*				Х*							
Элементы одежды	Поясная гарнитура	Х	Х	Х*	Х							Х	Х	Х	Х	Х				
	Обувная гарнитура	Х												Х	Х	Х				
	Другое*								Х*				Х*	Х*	Х*	Х*				
Украшения								Х		Х										
	Конское снаряжение							Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х				
Оружие	Удиль							Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х	Х				
	Стрелы											Х	Х	Х	Х	Х				
	Копья											Х	Х	Х	Х	Х				
Меч													Х*	Х	Х	Х				

Типы способов захоронений:
 тип 1 – Трупоположение;
 тип 2 – Парное захоронение;
 тип 3 – Тройное захоронение;
 тип 4 – Трупоположение вторичного захоронения;
 тип 5 – Кремация с последующим захоронением;
 тип 6 – Кенотаф.

Табл. 1. Выборка погребального инвентаря и элементов ритуала мужских захоронений Селикса-Трофимовского могильника

вторичное, является еще и парным захоронением. Расчлененный труп мужчины покоился в одной могиле с женским трупом.

Керамическая посуда, обнаруженная в погребения 1 и 30 в обоих случаях имела форму банки и располагалась в районе голов покойников.

Особое ритуальное, но пока не ясное нам значение имеет находка из погребения 30. Там в районе ног усопшего были прослежены фрагменты человеческих костей и остатки зубов.

В том же погребении 30 по дну могилы встречались древесные угольки.

Размеры могильных ям мужских погребений обеих подгрупп варьируются по длине от 190 см до 240 см, по ширине от 42 см до 65 см, по глубине от 54 см до 100 см. В целом они не сильно отличаются от размеров погребений первой группы. Можно предположить, что размеры могильных ям напрямую зависят от степени уважения и прижизненного социального положения усопшего. То есть, посредством количества затраченных усилий на сооружение погребения выражается отношение общины к покойнику (Массон, 1976).

Вместе с тем, исследователи не исключают и того, что увеличение размеров могил может находиться в прямой зависимости от количества и размеров сопутствующего инвентаря. Возможно, погребения второй и третьей групп больше потому что, в них помещались крупногабаритные предметы, например копя.

Третья группа (III) «войны» включила в себя три захоронения (погребения 8, 41, 48 (м)), усопшие в которых являлись войнами и были захоронены с мечами.

Погребальный инвентарь захоронений третьей группы не содержит в своем составе предметов бытового назначения.

Из элементов одежды встречается: поясная гарнитура из погребения 8 представлена несколькими предметами. Во-первых, портупейный набор, состоящий из серии бронзовых пряжек малого размера, мелких бляшек, крупной серебряной пряжки с бронзовым приемником, на которую напяян золотой шатон с полудрагоценным камнем. Во-вторых, бронзовая пряжка с широкой, рельефной обоймой. В-третьих, бронзовая обойма, возможно от верхней части крепления сумочки к поясу. В-четвертых, массивный бронзовый наконечник ремня с шарниром. В погребении 41 обнаружены бронзовые поясные бляшки. Железная пряжка в единственном экземпляре обнаружена в погребении 48 (м).

Обувная гарнитура: в погребении 8 в районе ног умершего находилась бронзовая пряжка. Две аналогичные бронзовые обувные пряжки были обнаружены в погребении 41.

Из других (строка «Другое*») элементов одежды в погребении 8 была обнаружена бронзовая кольцевая застежка. А в погребении 48 встречено медный пластинчатый Т-образный предмет в районе груди покойника, предназначение которого трактуется не однозначно.

Украшения встречены в погребении 8. Они представлены несколькими предметами: гривна из гладкого серебряного дрота, спиральный перстень и бронзовое кольцо.

Конское снаряжение, а именно кольчатые железные удила и уздеч-

ный набор были встречены в погребении 8.

Древковое оружие встречается во всех без исключения погребениях третьей группы. Наконечники стрел обнаружены в двух захоронениях (погребения 8, 48(м)). Точное количество наконечников стрел из погребения 8 установить невозможно в силу их неудовлетворительной сохранности. В захоронении 48 (м) встречен единственный экземпляр данного типа оружия.

Наконечники копий обнаружены во всех захоронениях третьей группы. В двух случаях (погребения 8, 48(м)) наконечники копий находились в районе левого плеча покойного. Стоит отметить, что в погребении 8 встречено 2 экземпляра наконечников копий, которые, судя по сохранившимся следам, находились в деревянных футлярах. В захоронении 48 (м) наконечники копий располагались в районе правого плеча. В единственном случае, в захоронение 41 втулка копья была обнаружена в юго-западной части ямы.

Мечи выделены нами в качестве критерия, классифицирующего погребения третьей группы «войны». Меч (сарматского типа) в погребении 8 был положен отличным от прочих захоронений образом, а именно он располагался поверх тела покойного таким образом, что рукоять меча касалась его подбородка. В погребении 41 меч представлен в виде обломков, которые располагались в юго-западной части ямы. В захоронении 48 (м) меч (сарматского типа) лежал справа от усопшего, обращенный острием к ногам. Интересно отметить, что аналогичные мечи сарматского происхождения были обнаружены в муж-

ских погребениях Усть-Узинского 2 могильника (Гришаков, 2007, с. 23–31). Однако, на тот момент статус мужчины-воина еще не отличался от статуса рядового общинника, в силу невысокой ценности воинской профессии (Гришаков, 2014, с. 7–17)

Погребальный обряд мужских захоронений третьей группы.

Ориентировка всех захоронений идентична и определена автором раскопок как северо-восточная.

В третьей группе оказалось одно парное захоронение (погребение 48 (м)). С большой долей вероятности можно предположить, что в этой могиле покоятся муж и жена. Однако причину их совместного погребения выяснить достоверно не представляется возможным. Остальные захоронения третьей группы совершены по обряду труположения и являются индивидуальными.

Керамическая посуда обнаружена в захоронении 8, сосуд находился в районе головы усопшего.

Интересен факт обнаружения в засыпке погребения 8 халцедоновой подвески и костей животных. Данная находка обозначена в таблице 1 как «X*» в строке «Дар» в подразделе «Погребальный обряд».

Размеры могильных ям мужских погребений третьей группы варьируются по длине от 210 см (погребение 41) до 290 см (погребение 8), по ширине от 55 см (погребение 8) до 75 см (погребение 41), по глубине от 43 см (погребение 8) до 162 см (погребение 41).

Так, захоронение № 8 оказалось отличным от прочих мужских могил не только качеством и количеством вещевого комплекса, что описывалось выше, но и погребальным обрядом.

Оно является самым большим по длине на всем некрополе. На планиграфии некрополя не было выявлено четкой закономерности между расположением мужских погребений и социальным статусом упокоенных в них общинников. Но необходимо отметить, что могила 8 находится в самом центре исследованной площади могильника.

В итоге, можно сделать вывод, что основным критерием, который лег в основу социальной стратификации мужского населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник является количественное и качественное соотношение предметов погребального инвентаря. Важно подчеркнуть, что имущественная дифференциация мужского населения, оставившего Селикса-Трофимовский могильник, присутствует, но ее наличие скорее является лишь отражением профессиональной и возрастной дифференциации общинников. Погребенные войны из третьей группы – владельцы мечей, несомненно, находились в несколько ином имущественном положении, нежели прочие общинники. Однако, несмотря на то, что подобный предмет вооружения являлся в тот период весьма дорогостоящей вещью, их

имущественное положение не сильно превосходило положение рядовых общинников. В пользу минимального имущественного расслоения говорит и тот факт, что как таковые драгоценности, а именно золотые и серебряные украшения, обнаружены лишь в единственном случае – в погребении 8. Несомненно, что воины обладали более высоким социальным статусом в связи с особенностями своей прижизненной профессии и вероятно, возраста. Этот статус давал право на владение такой дорогостоящей вещью, как меч, причем даже в «загробной жизни». Вместе с тем, что бедный, что рядовой, что воин – все они были общинниками, частью единого социума и каждый из них занимался тем делом, которое приносило пользу и было необходимо. Тот факт, что в планиграфии некрополя не было выявлено никакой зависимости между социальным статусом усопшего и местоположением его погребения, подтверждает наше предположение о том, что социальная стратификация в древнемордовской общине хоть и имела место, но являлась особым видом профессиональной и возрастной дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В.М.* Экономический и социальный строй древних обществ. – Л., 1976. – 191 с.
2. *Полесских М.Р.* Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1967 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 645/7.
3. *Полесских М.Р.* Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1968 году // Рукописный фонд Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. № 431.
4. *Гришаков В.В.* Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии и права // Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. – Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2007. – С. 23–31.
5. *Гришаков В.В., Давыдов С.Д.* Социальная стратификация населения, оставившего Усть-Узинский 2 (древнемордовский) могильник III–IV вв. // Вестник НИИГН при Правительстве РМ. – Саранск, 2014. – № 3. – С. 7–17.

Информация об авторах:

Гришаков Валерий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия); vvg815@yandex.ru

Давыдов Сергей Дмитриевич, аспирант, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия); ser.d88@yandex.ru

**ON THE ISSUE OF RECONSTRUCTION A SOCIAL STRUCTURE
OF POPULATION, WHICH LEFT THE SELICSA-TROFIMOVSKY
(ANCIENT MORDOVIAN) BURIAL GROUND OF THE IV–V CENTURIES**

V.V. Grishakov, S.D. Davydov

The article is devoted to the problem of reconstruction of the social structure of the ancient Monrovia population that had established the 4th-5th-century Seliksa-Trofimovka burial ground in the Upper Sura river region. The materials of the male burials of the necropolis have been chosen for analysis as most socially informative. An attempt has been made to determine the relationship between the social status of the individual and its expression in ritual rites. The differences in the composition and quantity of grave goods made it possible to distinguish three groups of burials conventionally termed as “the poor”, “the ordinary” and “the warriors.” The latter group included three graves with swords. The necropolis has a row-based order layout; all the burials are on the ground level, with no traces of gravestones, and have the same northeast orientation. The property-based stratification in the analyzed community was apparently insignificant, while social stratification depended primarily on professional activities.

Keywords: the Middle Volga river region, the Upper Sura river, the Early Middle Ages, the ancient Mordovian burial ground, burial rite, grave goods assemblage, social informative character, social stratification, male burials, professional and ranking affiliation.

REFERENCES

1. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and Social Structure of Ancient Societies)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Polesskikh, M. R. 1967. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoi oblasti v 1967 godu (Report on Archaeological Research in the Penza Oblast in 1967)*. Collection of Manuscripts of the Penza State United Museum of Local Studies, no. 645/7 (in Russian).
3. Polesskikh, M. R. 1968. *Otchet ob arkhеologicheskikh issledovaniyakh v Penzenskoi oblasti v 1968 godu godu (Report on Archaeological Research in the Penza Oblast in 1968)*. Collection of Manuscripts of the Penza State United Museum of Local Studies, no. 431 (in Russian).
4. Grishakov, V. V. 2007. In *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov (Interuniversity Collection of Scientific Papers)* 1. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 23–31 (in Russian).
5. Grishakov, V. V., Davydov, S. D. 2014. In *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve RM (Bulletin of the Research Institute for Humanities attached to Government of Mordovia Republic)* 3. Saransk, 7–17 (in Russian).

About the Authors:

Grishakov Valeriy V. Candidate of Historical Sciences, Docent. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evsevev. Studencheskaya, 11 A, Saransk, 430000, the Republic of Mordovia, Russian Federation; vvg815@yandex.ru

Davydov Sergey D. Research Institute for Humanities attached to Government of Mordovia Republic. Leo Tolstoy St., 3, Saransk, 430005, Russian Federation; ser.d88@yandex.ru